
ПРАЗДНИКИ В СИНАГОГАЛЬНОМ И ДОМАШНЕМ КУЛЬТЕ

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ

Храмовый культ в Иерусалиме служил интересам жречества и иерусалимской буржуазии, богатевшей от праздничной и предпраздничной торговли. Синагогальный культ, широко распространившийся по Палестине и по всем странам, где были иудейские общины рассеяния, служил также интересам буржуазии, но, кроме того, специально он кормил и поддерживал так называемых раввинов. Вокруг каждой синагоги образовывалось нечто в роде прихода, в котором руководящую роль играли представители местной крупной буржуазии. Ей отводилось почетное место в синагоге; в главной александрийской синагоге для членов местного совета, состоявшего из представителей ученых и крупнейшей буржуазии, была поставлена 71 отдельная позолоченная кафедра, а прочие места распределялись по порядку между другими александрийскими организациями — золотых дел мастерами, серебряных дел мастерами, ткачами и т. д. И в современных синагогах лучшие места отводятся богатым, платящим больше других в синагогальную кассу и пользующимися большим влиянием. Так как около синагоги в римскую эпоху образовались благотворительные организации, содержавшиеся на взносы прихожан, то понятно, что для богачей эта благотворительность становилась лишь особым средством подчинения себе бедноты и ее эксплуатации.

Другая группа, заинтересованная в синагогальном культе и всегда шедшая рука об руку с буржуазией, это — раввины. Раввин (евр. — *раббан*) это в первые века н. э. был титул высшего разряда ученых (книжни-

ков), которые имели свои школы и большое число учеников; термин собственно означает «великий, главный, важный». Отсюда видно, что в римскую эпоху еще не было раввинов как специальных духовных лиц, совершающих богослужение, и термин «раввин» имел иное значение, чем теперь. Раввины были знатоками и толкователями закона и пророков; они составляли правила для применения закона в жизни, и из их правил и толкований в течение первых шести-семи веков нашей эры составила колоссальная литература, так называемая *талмудическая*, состоящая из нескольких слоев: Мишны — толкования Закона, тосефты — добавления к Мишне, вавилонского и палестинского талмудов — дальнейшего разъяснения и развития Мишны. Раввины установили порядок синагогального и домашнего культа и целый запутанный казуистический кодекс правил для образа жизни правоверного иудея, чтобы научить иудеев точно и правильно соблюдать закон. Они же были проповедниками в синагогах, на синагогальном богослужении. С течением времени функции раввинов разделились; они распались на две категории — пруппу ученых и группу профессиональных совершителей богослужения в синагогах. В средние века и позже, вплоть до уничтожения кагальной организации, раввины были председателями кагальных коллегий, чисто буржуазных учреждений, управляющих общинной жизнью польского, белорусского и украинского еврейства и под маской религии жестоко эксплуатировавших еврейскую бедноту. Таким образом, чрез посредство синагоги и раввинов религия стала среди буржуазии рассеяния средством эксплуатации трудящихся масс.

Праздничный культ в синагогах был построен совсем по другому принципу, чем праздничный культ в храме. В храме центр тяжести был в жертвах; кто не приносил положенного числа жертв, тому жрецы прозили погибелью. В синагогах центр тяжести был в молитве и в поучениях закону; как говорилось в одном псалме, богу неугодны жертвы, а угодно исполнение обязанностей, записанных в книжном свитке, т. е. в Торе. Тора объявлялась главным орудием спасения; кто исполнял закон, тому раввины обещали счастье, благополучие и воскресение из мертвых. Главной святыней в синагогах стал свиток закона, для хранения которого устраивался дра-

гоценный ларец, или шкаф, со светильником перед ним, как перед богом. Требуя исполнения закона, раввины старательно подчеркивали, что его заповеди надо исполнять не по произвольному толкованию каждого человека, а так, как они, раввины, предписывают. Закон, изложенный в книгах Исход, Левит, Числ и Второзаконие, был отрывочным, бессистемным собранием, местами противоречивым, и на многие вопросы не давал ответа. Например, о соблюдении субботнего покоя в законе не было точных предписаний; было общее предписание не работать и два-три частных запрета. Раввины постарались разработать предписания о субботе самым подробным образом, точно указали, что можно делать в субботу и чего нельзя. Точно так же поступили они и с другими предписаниями: о чистом и нечистом, о первинках, о десятинах, о судебном процессе и т. д., всю жизнь на каждом шагу опутали правилами, такими многочисленными и запутанными, что человеку малоопытному и неученому нельзя было шагу ступить, чтобы не усомниться, не погрешил ли он против закона. А за разрешением сомнений приходилось обращаться к тем же раввинам, которые давали свои советы, конечно, не даром. Один из них откровенно говорил, что всякое ремесло может изменить человеку и не окупиться, но ремесло изучения и толкования Торы обеспечивает человека надежнее всего.

На праздничный культ раввины обратили особое внимание. Установленный ими порядок богослужения в синагогах на все праздники был более или менее одинаков, и главные его составные части были подобраны так, чтобы внушать верующим, собравшимся на праздничное богослужение, преданность вере и закону. Начиналось богослужение чтением молитвы «Ш'ма, Израэль!» — «Слушай, Израиль!». Эта ш'ма была составлена из трех отрывков из книги Второзаконие и книги Числ; смысл ее заключался в том, чтобы Израиль слушал и запомнил, что Ягве — единый бог Израйля и что еврей должен везде, где бы он ни был, дома, на дороге, утром или вечером, повторять и исполнять заповеди Ягве и внушать их своим детям, написать их на косяках дверей, носить их на лбу и на руках; за исполнение заповедей молитвы ш'ма обещалось благополучие и богатство, за неисполнение — разорение и гибель. Эта ш'ма надоедливо и неустанно повторялась каждую субботу, каждый праздник

и в конце-концов действительно внедрялось в ум и сердце еврея. Не довольствуясь этой молитвой, раввины в начале нашей эры прибавили к ней еще другую молитву, состоящую из 18 прошений, так называемых «ш'моне-есрэ» — «восемнадцать» (молитв). В этой молитве вся надежда возлагалась на бога, на его помощь и благословение: человек — ничто, только бог силен и властен, и без его помощи и благословения не будет никакой удачи ни отдельному иудею, ни всему народу. После этих двух молитв следовала другая часть всякого синагогального богослужения — чтение из Торы или пророков. Тору полагалось прочитать в течение года целиком, каждую субботу по определенной части (параша); из пророков читали не все, а избранные отрывки; некоторые отрывки, казавшиеся непристойными, читать совсем запрещалось, другие разрешалось читать, но не разрешалось переводить (так как древнееврейского языка никто не знал, кроме раввинов, то чтение из закона или пророков сопровождалось переводом на местный разговорный язык). Мы видим, таким образом, что ради укрепления в вере раввины прибегли к цензуре и старались не допустить широкого и полного знакомства с Библией, которую они объявили священным писанием; они боялись, что при более близком и полном знакомстве с этой якобы священной книгой всякий здравомыслящий человек может разувериться в ее священном характере, найдя в ней совершенно непристойные и даже безнравственные истории, напр., о связи Лота с дочерьми, о связи Иуды с женой своего сына, притворившейся проституткой, или такие места, как глава XVI книги Иезекииля, где Иуда сравнивается с блудницей, причем сравнение сопровождается неприличными подробностями. Под раввинской цензурой Библия и преподносилась слушателям в синагогах. За чтением положенных отрывков из закона и пророков следовало их объяснение. Тут-то и выступали раввины со своими проповедями и поучениями, направленными все к той же цели: внушить преданность вере и повиновение закону и побудить к исполнению всех раввинских предписаний. В заключение раввин благословлял молящихся, и они расходились по домам. Но и дома в праздники иудеи не были предоставлены самим себе, а должны были соблюдать целый ряд предписаний относительно домашнего праздничного культа.

Этот порядок был обычной схемой синагогального богослужения; к нему для каждого праздника прибавлялись установленные раввинами некоторые особые обряды, совершавшиеся отчасти в синагогах, отчасти дома. При этом для некоторых праздников были установлены настолько важные или многочисленные домашние обряды, что эти праздники по преимуществу получили домашний характер; другие праздники, напротив, по преимуществу получили церковный характер. Так, раввины пошли дальше и смелее жрецов: жрецы хотели весь культ сосредоточить только в храме и потеряли очень многих, не имевших возможности бывать в храмах; раввины постарались опутать всю религию своими предписаниями и провести ее из синагоги в дом каждого иудея — и успели в этом.

Особые домашние обряды были установлены главным образом для субботы и пасхи. Субботе придавалось особое значение; обрядом обрезания и соблюдением субботы иудеи должны были выделяться из среды окружавшего их иноземного и иноверного населения. Суббота, как день покоя, держала иудея все время в напряженном состоянии: постоянно приходилось оглядываться, как бы не сделать чего-либо недозволенного в субботу. Краткие предписания закона о действиях, запрещенных в субботу, раввины развили в целый длинный список действий и поступков, запрещенных в субботу. Кроме всякой обычной работы — зажигания огня, приготовления пищи, переноски вещей, поездок и торговли — в субботу запретили супружеское соитие, обсуждение каких-либо дел, поднятие каких-либо предметов, черпание воды, работу в поле, охоту, лечение больного, похороны умерших, нанесение ударов кому-либо, лишение кого-либо жизни и прибавили целый ряд стеснительных правил относительно дозволенных в субботу действий.

Правда, из этих запрещений не все удалось провести в полной мере: так, запрещение супружеского соития, о котором мы узнаем из книги Юбилеев, не вошло в Мишну, а запрещение лечить больных было смягчено, не распространялось на случаи тяжелого заболевания, угрожающего смертью. Однако и то, что закрепилось в Мишне и в житейской практике, было очень тяжело; и тем же раввинам иной раз приходилось думать об облегчении субботнего «покоя». Всего отяготительнее было,

конечно, запрещение зажигать огонь и готовить пищу. Раввины здесь попробовали найти такой выход, который, с одной стороны, облегчил бы житейскую практику, а с другой стороны, придал бы особую торжественность субботе. В субботу зажигать огонь было нельзя; но встречать субботу было предписано с особым священным огнем, горящим в особом субботнем светильнике и зажигаемым вечером накануне субботы; этот огонь может продолжать гореть и в субботу. Был дан целый ряд предписаний относительно горящего материала, который может гореть в субботнем светильнике, а также относительно порядка зажигания субботнего огня; гасить субботний огонь запрещалось под страхом божественной кары; женщинам, например, грозили смертью во время родов за несоблюдение правил о субботнем огне. Происхождение этого обряда, по всей вероятности, коренится в вынужденной практике: так как день на Востоке начинался с вечера, то, чтобы не оставаться с началом субботы в темноте, стали заранее зажигать огонь, особенно тщательным образом, чтобы он не погас, ибо вновь его зажечь уже было нельзя, и следили, чтобы его никто не гасил; этот-то обычай, возникший чисто житейским образом, раввины и превратили в особый священный обряд встречи субботы с субботним огнем. Этот обряд сохраняется до сих пор: во всех еврейских домах, соблюдающих субботу, вечером в пятницу зажигают две свечи в особых массивных подсвечниках и при их свете с молитвой садятся за субботний ужин. Затем для облегчения запретов субботы раввины, вместо того, чтобы просто отменить нелепые правила, ввели особые обряды, освобождающие от запретов: просто, без ухищрений, субботние запреты нарушить было нельзя, а с особым обрядом можно. Так, перед наступлением субботы совершался особый обряд — *эрув* («смещение»), при помощи которого можно было обходить запрет переноски вещей и выхода из дома. Раввины толковали, что в субботу переносить вещи с одного места на другое можно лишь в пределах одной «частной области», т. е. помещения, занятого одним домом или хозяйством; из одной «частной области» в другую, или из частной области в «общественную» (например, на улицу) вещи переносить в субботу не дозволялось. Но при помощи обряда *эрув* и этот запрет обходился; обряд заключался в том, что посредством какого-

либо символического действия несколько соседних домов делались как бы одной «частной областью», или улица присоединялась к дворам, переставая быть общественной. Эти лицемерные ухищрения были бы совершенно лишними, если бы раввины не дорожили старыми потерявшими смысл запретами; просто их отменить раввины не решались, ибо это значило бы признать, что закон о субботе можно и не соблюдать; поэтому они и прибегли к такого рода обрядам и при этом еще присвоили им особое религиозное значение. И легковверная масса иудейства, одурманенная авторитетом раввинов, покорно исполняла все эти странные ненужные обряды, еще более проникаясь слепой верой в особую святость и ненарушимость субботы.

Пасха стала также домашним праздником, связанным с особыми обрядами. В римскую эпоху празднование пасхи разделялось на две части: на храмовой обряд — заклание пасхальной жертвы в храме и принесение частей ее на жертвеннике, и на домашний обряд — пасхальный домашний ужин, на котором пасхальный ягненок съедался. После разрушения храма в 70 г. первая часть пасхи отпала, зато совершение пасхального ужина стало всеобщим обычаем. Конечно, иудеи рассеяния и при существовании храма устраивали пасхальный ужин у себя дома, если не имели возможности идти в Иерусалим; судя по тому, что раввины энергично запрещали закалывать пасхального ягненка вне храма, на этих домашних пирах, в особенности в общинах северной Африки, фигурировал частенько и пасхальный ягненок; у абиссинских евреев этот обычай существует до сих пор. Когда храм был разрушен, когда была уничтожена община второго храма, и рассеяние стало уделом всего еврейства, на домашний пасхальный пир раввины обратили особое внимание. Учитывая бытовые обычаи, они установили порядок этого пира, пасхального седера, как его стали называть, снабдив его некоторыми важными нововведениями.

Стержнем его по-прежнему остались четыре бокала вина; но ягненок был запрещен, и вместо него подавались разные заменяющие блюда. Наиболее строгие вместо ягненка подавали так называемое *zeroa* — жареную косточку с обрезками мяса на ней; другие заменяли ягненка либо жареным мясом, либо рыбой, либо яйцом,

либо овощами. Затем важное нововведение было сделано после второго кубка. Он стал сопровождаться не простым благословением, а молитвой о восстановлении Иерусалима и храма: «Да поможет господь бог наш, и бог отцов наших достичь нам других праздников в благополучии и в радости о восстановлении вечности (т. е. храма), чтобы вкушать от жертв пасхи и от жертв заклания, кровь которых доходит до стен жертвенника твоего и милостиво приемлется тобою, и возблагодарим мы тебя за наше искупление». Ожидание восстановления храма и города связывалось с ожиданиями появления Мессии и мировой катастрофы; эти мечты после разрушения Иерусалима и храма не прекратили своего существования и по временам, под влиянием особенно тяжелых моментов, приобретали вновь силу и яркость, как было, например, в тридцатых годах II в., во время восстания Бар-Кохбы, которого считали за Мессию, или во время погромов и избиений IV в. и средневековой эпохи. Раввины поддерживали мессианические ожидания и всем своим авторитетом подтверждали, что это не пустая мечта, что рано или поздно бог вспомнит о своем народе и пошлет Мессию, который произведет суд над всеми народами, соберет всех иудеев из рассеяния и даст им царство славы и вечного счастья. В связи с такими настроениями укрепили все прежние мессианические моменты пасхального седера и были введены новые. Получил повсеместное распространение и занял прочное место обряд призывания Илии и Мессии; кроме возгласа «благословен тот, который должен прийти», перед открытой дверью стали произносить особую мрлитву, наполненную проклятиями по адресу врагов иудейства и призываниями гибели на их голову; песни такого же содержания пелись после четверного бокала. Обряд с апикомином, которым заканчивался пасхальный седе́р, теперь получил также новое развитие, специально в раввинистическом духе. На особое блюдо в начале седера стали класть три мацы, одну над другой; верхняя называлась *коген* (жрец), средняя — *леви* (левит), нижняя — Израиль, т. е. в порядке иерархического подчинения. Из этих трех опресноков от среднего, «леви», отламывается большая часть и прячется потихоньку от присутствующих до конца ужина; она-то и стала называться апикомин. В конце ужина производятся поиски апикомины, а затем он разделяется между всеми присутствующими.

ющими; при этом апикомину стали придавать волшебную силу: верили, что кто много съел апикомина, тот будет долго жить, и что если носить кусочек апикомина в ладанке, то он предохранит от дурного глаза. Смысл этого нового обряда ясен: по-прежнему под апикомином разумелся Мессия, но обрядом отламывания апикомина от мацы «леви» раввины хотели внушить мысль, что Мессия произойдет из жреческого рода и будет верховным жрецом; а выделением трех опресноков под названиями «коген, леви и Израиль» хотели показать, что возраждение после мессианического переворота будет заключаться в восстановлении церковной общины, в которой власть по-прежнему будет принадлежать жрецам. Прятание и нахождение апикомина было символическим изображением усердно распространявшегося раввинами взгляда, что Мессия будет полубожественным существом, которое бог создал одновременно с сотворением мира и скрывает у себя до последних времен, когда Мессия неожиданно откроется. Ряд новых мессианических обрядов завершался новым приветствием, с которым расходились участники седера: «следующая (пасхальная) ночь — в Иерусалиме!» или «следующий год — в Иерусалиме!». Этим приветствием выражалась надежда на то, что желаемый избавитель и чудесный переворот придут в течение ближайшего года, и рассеяние к следующей пасхе окончится. Все описанные новые обряды вводились с одобрения раввинов, а новые песни, гимны и формулы составлялись также самими раввинами. В окончательном виде новый порядок пасхального седера сложился с VII в. нашей эры; с этого времени приняли окончательный твердый вид все новые обычаи, которые изменялись впоследствии только в деталях и в главном существуют до сих пор: особые блюда — из горьких овощей (*марор*), фруктов (*харосет*), маца, зерна, четыре бокала, вопросы и ответы, бокал для Илии, формулы и песни. Так во всем ритуале пасхи, во всех нововведениях обнаруживается постоянная работа раввинов, их стремление при помощи религиозных обрядов сохранить и укрепить свою власть и руководящее положение.

Таким образом, в окончательном ритуале пасхального седера переплелись старые элементы прежней пасхи и мацдот — горькие травы, опресноки, кость от ягненка, легенда об исходе из Египта, — с некоторыми новыми

тенденциями, именно, с надеждами на прекращение состояния рассеяния и наступление мессианического царства. В I в. н. э. мессианические ожидания соединялись с революционным движением эксплуатируемых иудейских масс; когда появлялся какой-нибудь народный вождь, объявляющий себя «царем иудейским», т. е. Мессией, то все обездоленные и эксплуатируемые поднимались вслед за его призывом с оружием в руках против богатых и римлян. Восставшие верили, что на помощь им придет божество и чудесным образом даст им победу; люди надеялись на бога, но не плошали и сами. Когда все эти восстания кончились крахом, и иудейство окончательно лишилось своей родной почвы, мессианические ожидания перестали быть такими же жизненными, какими были раньше. Но они не могли исчезнуть совсем; а со времени переселения части евреев в Европу, где на них начались фанатические гонения, религиозные вожди иудейства воспользовались бесправным положением евреев для оживления мессианических ожиданий. Бесправное положение, в которое были поставлены евреи почти повсюду в Европе, было для христианской буржуазии средством торговой конкуренции; еврейские купцы были в торговом деле опытнее и организованнее молодой европейской буржуазии, которая в пылу соперничества, поощряемая католическим духовенством, стала ограничивать в правах евреев, облагать их колоссальными налогами и экстренными контрибуциями, а по временам травляла на них чернь и устраивала погромы; все эти притеснения оправдывались тем, что евреи распяли Христа. Понятно, что со стороны евреев по отношению к христианам также не могло быть добрых чувств; враждебное отношение подогревалось раввинами, и, играя на этой струнке национальной и религиозной нетерпимости, раввины все успешнее и успешнее укрепляли строгое соблюдение обрядов и религиозную исключительность еврейства. Они поддерживали в еврействе веру, что бедствия и притеснения не будут бесконечны; будет выход — обещанное пришествие мессии. Земными, людскими средствами и силами, говорили раввины, нельзя добиться правды; христиане охотно берут деньги, но еще легче обманывают евреев, даже вменяют обман еврею в добродетель. Откупиться от преследований нельзя, силой избавиться невозможно; остается одна надежда — на спасе-

ние со стороны божества, на пришествие мессии. Не довольствуясь пасхой, раввины стали напоминать о мессианических надеждах и в постоянном богослужении. Так, в молитве «Ш'монеесрэ» расширили и стали особенно подчеркивать десятое прошение об освобождении и собрании воедино сынов Израиля, а к двенадцатому прошению,— о скорейшем уничтожении царства насилия,— была сделана прибавка об истреблении христиан и еретиков и исключения их из книги жизни. Каждую субботу читалось в таком виде «Ш'монеесрэ», а в пасхальную ночь, как мы видели, было введено особое правило ставить бокал для пророка Илии, предтечи мессии, открывать дверь и призывать его и выражать пожелание о наступлении мессианического царства в текущем году. И в моменты особенно тяжелых и жестоких притеснений при приближении пасхи многие экзальтированные и горячо верующие евреи, доверяя обещаниям раввинов, не раз серьезно ожидали чудесного появления Илии или мессии в пасхальную ночь.

Таким образом, значение пасхи еще более увеличилось; она сделалась одним из самых главных праздников, не только церковным, но и домашним. И немудрено, что с нею раввины постарались связать еще некоторые подготовительные обряды. В законе предписывалось, чтобы с наступлением пасхи в еврейских домах не было ничего квасного в течение всех семи дней праздника; все квасное должно было уничтожиться в первый день праздника (Исх., XII, 15). Основываясь на этом запрете, раввины установили особый обряд *бедика*, т. е. отыскивания квасного; простая житская операция уничтожения остатков квасного хлеба была превращена раввинами в особый колдовской обряд. Он заключался в том, что с наступлением темноты зажигали светильник и с ним обходили все углы и закоулки дома, причем иногда в некоторые углы нарочно подкладывали куски квасного хлеба. Обходя с фонарем все углы, еврей должен был произносить особую магическую формулу, посредством которой все квасное, хотя бы и незамеченное, объявлялось несуществующим и подобным праху. Все собранное сжигалось на другой день, причем опять повторялась та же самая формула. Раввины прибавили к этому еще целый ряд разъяснений, в каких помещениях можно было не производить поисков квасного, и в каких обязательно нужно было искать,

хотя бы там заведомо не было ничего квасного. Для евреев рассеяния, живших в городах и занимавшихся торговлей и ремеслом, а не земледелием, обычай есть на пасху мацот, конечно, не имел никакого смысла; и еще менее смысла имел новый обряд отыскивания и уничтожения квасного. Однако эти обряды усиленно поддерживались и соблюдались; а ненормальное положение, в котором находились евреи, вражда христиан и несправие евреев постоянно питали религиозный и национальный фанатизм. По отношению к пасхе фанатизм усиливался еще тем обстоятельством, что у христиан была своя пасха, на которую был обычай, противоположный еврейскому, есть квасный сдобный хлеб; из чувства вражды и соперничества еврейский обычай мацот на пасху, вследствие существования христианского обычая, еще усерднее соблюдался.

Из других праздников *пурим* и *шабуот* как бы присоединились к пасхе, составив вместе с нею один весенний праздничный цикл. Шабуот в условиях городской жизни евреев рассеяния потерял всякую связь с земледелием, но сохранил искусственную связь с пасхой: срок его высчитывался от пасхи, и, кроме того, историческое толкование, которое дали ему раввины, связывало его тоже с исходом из Египта. Шабуот был объявлен окончательно праздником в память дарования закона на Синае, через семь недель после исхода из Египта. Однако это новое толкование не могло особенно укрепить значение праздника шабуот; в книге Исход об историческом смысле праздника не было ни слова, новое объяснение основывалось только на расчетах раввинов, а самый рассказ о Синайском законодательстве был лишен каких-либо красочных подробностей, которые могли бы помочь оживить ритуал праздника.

Таким образом, праздник шабуот стал одним из второстепенных праздников, несмотря на стремление раввинов придать ему особое значение, как празднику в память дарования закона; он стал заключительным придатком к пасхе. Праздник *пурим*, совершавшийся незадолго до пасхи, стал чем-то вроде подготовительного праздника к пасхе. Его ритуал сделался чисто синагогальным; за богослужением читался «свиток (мегилла) Эстер», т. е. книга Эстер; ее сюжет, избавление иудеев от гибели во времена персидского царя Артаксеркса,

отвечал вполне мессианическим настроениям, связавшимся с пасхой, и как нельзя лучше гармонировал с чувством национальной нетерпимости и религиозного фанатизма, которое поддерживали в массе раввины. Пурим, пасха и шабуот, таким образом, составили веселый цикл иудейских праздников.

Самым главным праздником синагогального культа, однако, сделалась не пасха, а великий день очищения *иом киппурим*, вместе с предшествующим ему днем нового года; эти оба праздника с течением времени сделались настолько священными, что в эти дни в синагогах можно было видеть даже и таких евреев, которые вообще не посещают или мало посещают богослужение. Возвышение этих праздников сравнительно с другими объясняется тем, что они больше, чем какие-либо другие праздники, связались с текущей практической жизнью. Пасха была праздником воспоминаний о прошлом и надежд на будущее; о прошлом оставалось лишь вздыхать, а о чудесном будущем можно было только мечтать. Новый год и иом киппур занимали другое положение. С новым годом были связаны суеверные представления, что весь предстоящий год сложится так, как положит бог в день нового года; от молитв и обетов, принесенных в новый год, якобы зависят благополучие, удача и здоровье в течение всего наступающего года; а как бог отнесется к этим молитвам и обетам, неизвестно. Раввины говорили, что в новый год все жители мира как бы проходят перед богом, мир судится богом в этот день, бог вникает во все дела людей и читает все, что есть у них на сердце. Приговор же каждому человеку, ответ на его молитвы и обеты, по учению раввинов, дается богом в иом киппур; отсюда этот праздник получил в некоторых местах прозвание «судный день». Поэтому, в новый год синагоги наполнялись молящимися, как никогда; за богослужением было положено читать особую молитву, которая была составлена знаменитым раби Акибой (около 130 г. н. э.) и потом несколько раз дополнялась. Это известная молитва, начинающаяся словами *абину малкену* — «отец наш, царь наш», в ней испрашиваются прощение грехов, помощь, здоровье, устранение всякой нужды и горя на предстоящий год.

Празднование нового года в синагогах как бы продолжается через десять дней, в великий день очищения.

С ним связались разные поверья, чудесные истории, которые вселяют перед этим днем еще больше страха, чем строгие предписания раввинов.

Синагогальный ритуал иом киппура, конечно, стал иным, чем в храме; никакие искупительные жертвы в синагоге не могли иметь места. Прежний ритуал только напоминался: во время богослужения стали читать так называемую абоду (служение), пересказ в стихах или в прозе порядка богослужения на иом киппура в храме; это — первое характерное отличие синагогального культа иом киппура от других праздников. Абода толковалась иногда и таким образом, что ее чтение не только напоминает, но и заменяет храмовый ритуал; слова «абоды», — говорили некоторые раввины, — магические, и когда пересказывается тот или иной обряд, он как будто невидимо совершается. Другая характерная черта ритуала иом киппура — это правило, согласно которому весь день очищения еврей должен проводить в синагоге в посте и молитве. Как и в старину, пост предписывается строгий, полное воздержание от пищи и питья; молитва же полагается усиленная. Прежде всего, вместо прежней короткой формулы исповедания грехов, произносившейся первосвященником при возложении рук на козла в жертву Азazelю, около 250 г. н. э. было составлено другое, подробное исповедание грехов, которое впоследствии, как и «абину малкену», было значительно расширено и дополнено. Это исповедание стремится перечислить все возможные виды грехов, ни одного не упустить, чтобы ни одного греха не оставить несочиненным. Затем была установлена еще формула уничтожения всех обетов, какие иудей мог сделать, но не исполнить в течение минувшего года. Это знаменитое *Кол нидрей* (все обеты); формуле «Кол нидрей» придается магическое значение освобождения от всех необдуманных или забытых обетов. Раввины, однако, не ограничились предписанием исповедывать грехи в синагоге. Они предписывали исповедывать грехи, начиная с кануна дня очищения, прибавляя формулу исповедания и к вечерней, и к ночной, и к утренней молитве, с подробным перечислением грехов.

Таким образом, в ритуале великого дня очищения раввины сгруппировали и магические и покаянные обряды, постарались как можно более подчеркнуть силу религии и слабость и греховность человека. И вследствие

того, что в народной массе анимистическое мировоззрение и вера в магию и колдовство обычно живут особенно прочно, этот праздник и мог стать, действительно, не только церковным, но и домашним праздником. В религиозной еврейской среде даже не удовлетворились синагогальными обрядами; очищение грехов посредством формулы исповедания казалось мало действительным, нереальным. И отсюда возникло новое, домашнее искупительное жертвоприношение, совершающееся накануне дня очищения; жертва называется *каппорес*, т. е. «очищение» (от того же корня, что и слово киппурим). За каждого члена семьи мужского пола приносится в жертву петух, за каждого члена женского пола — курица; обряд совершается примитивным образом с магическими формулами. Глава семьи берет птицу за голову и трижды взмахивает ею, произнося при этом формулу, что петух или курица является искуплением, замещением, выкупом за жизнь такого-то или такой-то; курице или петуху умереть, а такому-то или такой-то долго жить в мире и счастье; затем курица или петух закалывается. Когда и где появился этот обычай, точно сказать трудно; во всяком случае, он сложился среди иудейства рассеяния после разрушения храма, может быть, под влиянием греческого культа богу-целителю Асклепию, которому приносили в жертву белого петуха. Но по своему смыслу этот обряд жертвоприношения является возрождением старинной искупительной жертвы, жертвы кровавой, которая, согласно народной вере, действует наверняка, посредством волшебной очистительной силы крови.

Таким образом, можно сказать, что в обрядах иом киппура, синагогальных и домашних, как бы сконцентрировались все старинные магические обряды, уцелевшие от древности. Поэтому этот праздник и получил живую связь с практической жизнью: кровь петуха или курицы обеспечивала жизнь и здоровье на предстоящий год, а синагогальные формулы освобождали от грехов и обетов, умиляствовали божий гнев и обеспечивали на предстоящий год божью помощь. С точки зрения религии все было ясно и понятно, все блага ожидалось в ближайшем будущем, а не в отдаленных мечтах, и заключались не в призрачном мессианическом царстве, а в здешнем, материальном счастье, здоровье и благополучии. Иом киппур — главный стержень иудейской религии эпохи рас-

сеяния, как главным стержнем земледельческой эпохи был праздник суккот, а кочевой эпохи — пасха.

Осенний цикл праздников синагогальной эпохи заканчивается праздником суккот. Раввины сохранили некоторые древние обряды, сопровождавшие этот праздник, но со времени рассеяния потерявшие уже свой смысл. Пока существовал храм, соблюдался и в рассеянии обычай жить во время праздника в шатрах, якобы в память странствования по пустыне, когда сыны Израиля жили в шатрах, как стали объяснять еще со времен Езры. Этому обычаю, естественному в сельских местностях во время сбора винограда, раввины постарались придать церковный характер и обставили его целым рядом правил: какой формы должны быть шатры, какой величины, что надо понимать над словом «жить», — постоянное пребывание или непостоянное, — в каких случаях можно уходить из шатров в дома, должны ли переселяться в шатры женщины и дети и т. д. Другими словами, было сделано то же самое, что с субботой: из естественного явления сделали религиозное упражнение ради насаждения большего благочестия. Даже когда евреи переселились в Европу, обычай жить в шатрах долго не выходил из употребления, особенно у польских и русских евреев, которые еще в XIX в. строили на дворах во время суккот шалаша. Также сохранились и другие обряды, напоминающие старинный ритуал. Было положено на восьмой день совершать торжественную процессию кругом синагоги, с традиционным *лулабом* и с пением «Галлел», т. е. хвалебных псалмов 113—118. Но этому древнему обряду раввины приписали совсем другое значение, чем прежде. Восьмой день праздника, когда совершалось шествие с лулабом, раввины называли днем «радости о законе», так как в этот день заканчивалось годовичное чтение Торы; по этому случаю, толковали раввины, устанавливается торжественная и радостная процессия с лулабом. Таким образом, и суккот окончательно утратил свою старинную связь с хозяйственным бытом и стал чисто церковным праздником.

Между осенним циклом праздников синагогальной эпохи и весенним циклом остался особняком зимний праздник ханука. В его ритуале сохранились радостные мотивы; кое-где он сопровождается особыми празднествами для детей...

В таком виде праздники дошли до нашего времени. Они стали праздниками культа закона, верными орудиями в руках раввинов и руководящих кругов иудейской массы для закрепления их экономического и духовного влияния и власти. Масса послушно шла за вождями; преследуемая ограничениями в правах, осыпаемая оскорбительными насмешками, в дыму и крови погромов, она искала утешения и проблеска надежды только в религии, в торжественном праздничном культе, который напоминал светлое и славное прошлое, заставлял хоть на время забыть печальное настоящее и гипнотизировал надеждами на чудесное будущее. Туман забвения и мираж возрождения несла с собою синагога; но всякий туман рассеивается; в наши дни пришло время рассеять и туман синагогального культа.

